

В. Я. ПРОПП

Мотивы лубочных повестей в стихотворении А. С. Пушкина
«Сон» 1816 г.

Некоторые места стихотворения Пушкина «Сон» до сих пор представляются не вполне ясными. Речь идет о личности «мамушки», рассказывающей ребенку Пушкину сказки.

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум.

В комментариях к последнему десяти tomному академическому изданию сочинений А. С. Пушкина Б. В. Томашевский по поводу этого стихотворения пишет: «Здесь Пушкин описывает или свою бабушку М. А. Ганнибал, или няню Арину Родионовну».

В этой альтернативе как бы выражен итог разысканий по данному вопросу на сегодняшний день.

Между тем «мамушка» стихотворения «Сон» никак не может быть отождествляема с Ариной Родионовной.

Сказочный репертуар Арины Родионовны нам хорошо известен.¹ Сказки эти следующие: 1) Царь Салтан (Андр. 707),² 2) Сказка о Марье царевне (Андр. 313), 3) Сказка о попе и батраке (Андр. 650, 1000, 1045,

¹ М. К. Азадовский. Сказки Арины Родионовны. — В кн.: Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 273—293.

² Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

1082, 1072, 1063, 1130, 1132, 1162; в указателе не предусмотрен целостный сюжет, он разбит на отдельные эпизоды или мотивы), 4) Сказка о смерти Кошеля (Андр. 302), 5) Сочетание сказок «Сын царя и сын кузнеца» (Андр. 920 и «Царь Соломон и его неверная жена» (Андр. 905), 6а) Сказка «Проклятая дочь» (Андр. 813а), 6бб) Сказка «Проклятый сын или внук» (Андр. 813В), 7) Сказка о мертвой царевне (Андр. 709). Принадлежность последней сказки Арине Родионовне считается сомнительной.

А. С. Пушкин вряд ли исчерпал репертуар Арины Родионовны. Советским фольклористам стали известны случаи, когда сказочники помнили и рассказывали 100 и более сюжетов. Тем не менее характер репертуара Арины Родионовны совершенно ясен. Это исконно фольклорная русская волшебная, легендарная и сатирическая сказка.

Записи от Арины Родионовны обладают также единством стиля. Изложение отличается добродушным юмором, характерной чертой подлинно народных русских сказок.

Репертуар рассказчицы в стихотворении «Сон» носит совершенно иной характер. В самом стихотворении содержатся лишь намеки на него, но намеки эти достаточно ясны.

1. «О мертвецах». Рассказы о мертвецах, собственно, не представляют собой сказок. Это страшные рассказы о покойниках, кладбищах и т. д., в действительность которых непоколебимо верили. Для примитивных натур щекотание страха заменяет эстетическое наслаждение. Образцы такого рода рассказов можно найти в сборнике Афанасьева.³ Такого рода фольклор не принадлежит к лучшим созданиям народного искусства. В данном случае цель рассказыванья состояла в том, чтобы запугать мальчика, и эта цель достигалась:

От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Правда, есть и собственно сказки о мертвецах, которые стоят на более высоком художественном уровне (вроде сказки, использованной в гоголевском «Вие»), но в данном случае речь идет не об этом, а о множестве рассказов о «мертвецах».

2. «О подвигах Бовы». Народная книга о Бове Королевиче в XVIII в. пользовалась огромной популярностью и распространялась как в списках, так и в лубочных изданиях.⁴ Созданный на основе фольклора, этот роман легко проникал обратно в фольклорную традицию. Однако в XVIII в. «Бова» еще не стал общенародной русской сказкой. Первая запись из уст народа была сделана И. А. Худяковым в селе Жолчине Рязанской губернии в конце 50-х годов.⁵ «Бова» был излюбленным чтением полуграмотного и малообразованного городского населения, не исключая дворян.

3. «Встречал лихих Полканов и Добрыней». «Полкан» приводит нас к той же традиции, что и «Бова». О любителях такого чтения говорит Державин, сатирически изображая екатерининского вельможу:

Полкана и Бову читаю,
За Библией, зевая, сплю.

³ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III. М., 1940, №№ 351—362 и комментарии к ним.

⁴ Данные о распространенности «Бовы» и о литературе вопроса содержатся в книге С. В. Савченко «Русская народная сказка» (Киев, 1914, стр. 64 и сл.).

⁵ И. А. Худяков. Великорусские сказки, в. I. М., 1860, № 36.

Упоминание именно «Полкана» и «Бовы» в «Фелице» Державина и в стихотворении «Сон» Пушкина не случайно. Оно указывает на наиболее распространенные из лубочных изданий того времени.

Правда, Пушкин не говорит прямо, что «Полкан» был рассказан ему «мамушкой». Но Добрыню и Полкана он видит во сне непосредственно после ее рассказов, и отсюда вытекает, что сны эти навеяны ее рассказами.

Остается еще объяснить имя Добрыни. Образ «лихого» Добрыни данного стихотворения, обобщенный применением множественного числа и названный в одной линии с Полканом («встречал лихих Полканов и Добрыней»), не может быть отождествляем с выдержанным образом былинного Добрыни. Русское имя Добрыня в иноземном сюжете лубочного характера свидетельствует о том, что сюжет приобретал национальный колорит. Об этом же говорят и «муромские пустыни». Имя Добрыни применялось также в различных литературных произведениях «в русском вкусе».⁶

Все это приводит нас к совершенно определенному выводу: репертуар «мамушки» не совпадает с репертуаром Арины Родионовны. Этот репертуар приводит нас не к русскому устному крестьянскому фольклору, а к обращавшимся в среде городского населения лубочным изданиям. К этому присоединяется фольклор низшего разряда, как страшные рассказы о мертвецах.

Здесь может возникнуть вопрос, не могла ли няня из дворовых объединить эти два вида репертуара? Прямо отрицать такую возможность, конечно, нельзя, но предположение, что Арина Родионовна сообщала мальчику Пушкину исключительно рассказы о мертвецах и лубочную литературу, а взрослому Пушкину исключительно крестьянские сказки превосходного качества, предстает маловероятным. К этому присоединяется другое: образ рассказчицы в стихотворении «Сон» не вяжется с тем образом, который воплощен у Пушкина в лице Арины Родионовны. «Мамушка» из стихотворения «Сон», несомненно, проявляет любовь к мальчику, отклоняя от него злых духов молитвой, но образ ее все же дан сатирически. Это страшная старуха; у нее «длинный рот, где зуба два стучало». Грамматически слова «драгой антик» могут быть отнесены как к облику ее в целом, так и к надетому на нее прабабушкиному чепцу — поэтическое впечатление от этого не меняется. Но слова «драгой антик» ни с какой стороны не были бы применимы к образу Арины Родионовны, «голубки», воспетой им с такой нежностью и любовью.

Остается вопрос, действительно ли в образе мамушки изображена бабушка Пушкина, Марья Алексеевна Ганнибал? Д. Д. Благой, приводя некоторые биографические данные и полемизируя с М. А. Цявловским, склонен отрицать это, предполагая, что в образе мамушки слиты в первую очередь образ няни (хотя Арина Родионовна прямо не называется) и во вторую — бабушки.⁷

Слова Д. Д. Благого, что в данном стихотворении «в лице няни над детской кроваткой Пушкина словно бы склонялась народная крестьянская Россия», не находят себе подтверждения в тексте стихотворения. Однако утверждение, что в лице мамушки изображена бабушка, также не может еще считаться доказанным и требует дополнительной аргументации. Образ мамушки в такой же степени может оказаться литературной условностью, как ложе роз, на котором будто бы засыпает мальчик.

⁶ О нем упоминается в посланиях, которыми обменялись А. Воейков и В. А. Жуковский в 1813—1814 гг. (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин, книга первая. М.—Л., 1956, стр. 299—302).

⁷ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1950, стр. 42—43 и 546—547.